

Liubovė Lavrenova – Daugpilio universiteto filologijos magistrė, literatūrologijos doktorantė.

Moksliniai interesai: XX a. modernizmas.

Adresas: Minskas 6–69, Daugpilis, LV-5401 Latvija.

Mob. tel.: +371 25922362.

El. paštas: luba.lavrenova@inbox.lv.

Lubov Lavrenova – Mg. philol. of Daugavpils University, doctoral student.

Research interests: modernism of the 20th century.

Address: Minskas 6–69, Daugavpils, LV-5401 Latvia.

Phone: +371 25922362.

E-mail: luba.lavrenova@inbox.lv.

Любовь Лавренова

Даугавпилсский университет, Латвия

МОТИВ ИНИЦИАЦИИ В РАННИХ РОМАНАХ В. КАВЕРИНА: К ВОПРОСУ ОБ ИГРОВОЙ ПАРАДИГМЕ

Anotacija

Ankstesnieji V. Kaverino romanai – tai sudėtinga modernizmo struktūra, kurios pagrindą sudaro kultūriniai archetipai, rodantys folkloro ir pasaulio literatūros tradicijas. Žaidybinė paradigma, kaip vidinis romano erdvės dėsningumas, pateikta plačiu meninių priemonių spektru: nuo autorinio persikūnijimo, intertekstualizmo, teatrališkumo ir iniciacijos. Iniciacija, kaip kultūros paradigma, kuri istoriškai buvo seniausia iš jaunuolių rengimo suaugusiųjų gyvenimui formų, romane „Skandalistas, arba Vakarai Vasilijaus saloje“ (1928) tampa menine priemone, struktūruojančia pirmojo V. Kaverino modernizmo romano meninę erdvę.

PAGRINDINIAI ŽODŽIAI: modernizmas, ontologija, iniciacija, ritualas, išventinimas, transformacijos, žaidybinė paradigma.

Abstract

The early V. Kaverin's novels have complicated modernistic structure which is basing on certain cultural archetypes reflecting traditions of the folklore and world literature. The game paradigm as an inner regularity of the novel space is depicted by a wide-ranging artistic techniques: from the author's transformation, intertextuality, and theatricality to the initiation. The initiation as the cultural paradigm, which historically was the most ancient form of preparation a young man for a grown-up life, in the novel "The Scandalist, or Eve-

nings on Vasilyevsky Island" (1928) transforms into the technique structuring the artistic space of the first modernistic novel by V. Kaverin.

KEY WORDS: modernism, ontology, initiation, ritual, consecration, transformation, game paradigm.

Ранние романы Вениамина Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928), «Художник неизвестен» (1931), «Исполнение желаний» (1934–1936) и «Два капитана» (1938–1944) представляют собой сложную модернистскую структуру, в основе которой заложены культурные архетипы, отражающие традиции мировой литературы и фольклора. Игровая парадигма как внутренняя закономерность романного пространства представлена широким спектром художественных приёмов от авторского перевоплощения, интертекстуальности, театральности до инициации.

Объектом данного исследования предстаёт процесс инициации. Будучи «древнейшей формой «воспитания», подготовки юноши к участию в хозяйственной, военной и религиозной жизни взрослых членов племени» (Мелетинский 2000, 313), инициативный комплекс «нащупывается не только во многих мифах, но и в целом ряде сказочных и эпических сюжетов, а так же в средневековых рыцарских романах», где «герой в конечном счете <...> получает доступ к высшим социальным и космическим ценностям» (Мелетинский 2000, 313). «Следы сказочно-мифологической структуры, соотнесённой с инициацией» (Мелетинский 2000, 315), обнаруживаются в романном пространстве 19 века: в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина, в «Воскресении» Л. Н. Толстого и, согласно «инерции жанровой структуры» (Мелетинский 2000, 315) находят воплощение в модернистском романе 20 века.

Целью данного исследования ставится определение функционального назначения мотива инициации в первом романе В. А. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928), что требовало решения ряда конкретных задач: выявить мотив инициации в сюжете романа; исследовать структуру процесса инициации в каверинском тексте и сопоставить с традиционной моделью; определить своеобразие и роль обряда посвящения в поэтике В. Каверина.

Проблема инициации не является новой в литературоведении, методология исследования разработана в трудах Элезара Мелетинского и Владимира Проппа. В процессе работы использовались

структурный и сопоставительный методы исследования. Характер инициационной парадигмы в пространстве каверинских романов позволяет утверждать, что в авторской поэтике обряд посвящения занимает значительное место.

«Я всегда был и остался писателем сюжетным и никогда не понимал, почему это могучее оружие находится в пренебрежении у многих писателей и критиков, считающих, что сюжетность и второсортность – близкие, если не тождественные понятия», – писал В. Каверин в «Очерке работы» (Каверин 1980, 16). Это авторское замечание позволяет обратить особое внимание на сюжетообразующую функцию мотива инициации. Обряд посвящения в раннем творчестве В. Каверина организует сюжетную ткань метаромана. Система событий представляется рядом испытаний, которые герой преодолевает, обретая особую силу: посвящение в тайны изобразительного искусства проходит художник Архимедов в романе «Художник неизвестен» (1931), достигает мастерства и пишет гениальную картину; процесс воспитания студента Трубачевского представляет главную тему романа «Исполнение желаний» (1934–1938); Санька Григорьев в романе «Два капитана» (1938–1944) проходит сложный путь самосовершенствования, в результате чего приобретает магическую силу, которая выводит его победителем в споре поколений.

Мотив инициации, как говорилось ранее, исследуется в первом романе В. Каверина «Скандалист, или Вечера на Васильевском острове» (1928), в котором амбивалентно представлена ленинградская академическая среда начала 20-х годов 20 века. С одной стороны, изображена научная среда со студенческими балами, землячествами, тесными компаниями, рефератами и научными лекциями, старой профессорской гвардией и студенческой увлечённостью научным и творческим поиском; с другой стороны, мы видим разрушение научных традиций, появление «формализма» как системы, «небезопасной для кабинетного существования» (Каверин 1980, 416). История литературы замещается синематографом, научные рефераты – беллетристикой; актуальны споры студентов о бесполезности литературы: «Кому нужны теперь все эти повести о Мамаевом побоище и Вавилонском царстве?» (Каверин 1980, 470). Спорят о преимуществах точных наук над гуманитарными: лингвистика или умение строить

трамвайные вагоны, «важнее ли одна электрическая станция десяти первоклассных поэтов» (Каверин 1980, 470). Кризис общества, науки и человека в начале 20-х годов представлен основными оппозициями: традиция–современность, новое и старое – и развивается в рамках двух эпох и двух сознаний.

Обряд посвящения в романе В. Каверина не является способом возвращения к подлинной первобытной мифологии, а предстаёт трансформированной моделью, превращённой автором в художественный приём, посредством которого структурируется пространство модернистского романа. Эта особенность авторской поэтики отмечается исследователями каверинского творчества. Эмилия Яковлевна Фесенко утверждает, что «каждый из героев его романа проводится в той или иной форме через обряд перехода от одного этапа жизни к другому» (Фесенко 2006, 21).

В традиционном смысле инициация – это вступление героя во взрослую жизнь, подобное возрастное посвящение проходит молодой студент Ногин. В каверинском тексте модифицируется обряд посвящения: шестидесятилетний профессор литературы Ложкин переживает болезненный переход из зрелости в старость. В определённой мере традиционная модель инициации интерпретирована, но в обязательном порядке сохраняет основные этапы: уход из дома – путешествие – мнимая смерть – возвращение. Следование общепринятой модели позволяет обратиться к сравнительному рассмотрению этих двух посвящений, объединённых пространственной и временной парадигмой, изначально развивающихся параллельно и сближающихся в конечном счёте.

Ногин – представитель молодёжи, увлечён литературой и лингвистикой, романтик, мечтающий выучить бесстрастную систему арабского спряжения и «познать чудо жизни» (Мелетинский 2000, 313), проходит испытания на пути к зрелости. Профессор литературы Ложкин представляет академическую среду Ленинграда, в течение 30-ти лет изучает литературные памятники ересей и сект 15 и 16 столетий, 25 лет живёт в законном браке и любви с Мальвиной Эдуардовной Рекс, а теперь переживает «вторую молодость».

Первой фазе инициативного процесса, уходу из дома, предшествует эмоциональный кризис героев. На студента Ногина нахлынула тоска

«бешеная, сердечная, тупая, перепутанная со слезами», «точно сердце перевернулось» (Каверин 1980, 467). Юношеское возвышенное чувство к Верочке Барабановой, любовь, с которой не знал, «что ему делать» (Каверин 1980, 467) так и остаётся литературой: «Родная моя, у меня нет друзей и нет никого, кроме вас, и так продолжаться не может...» (Каверин 1980, 470) – написано Ногиним в неотправленном письме.

Лишён свойственной зрелому возрасту самодостаточности и покоя профессор литературы Ложкин. Утомлён балом в честь собственной «второй молодости», «с головной болью, постаревший...» (Каверин 1980, 413), устаёт от чтения лекций в университете и рукописей в архиве, от присутствия жены и необходимости ей улыбаться, повторять «... себя день за днём, час за часом» (Каверин 1980, 411). Монотонность жизни приводит профессора к ощущению бессмысленности движения внутри порочного круга жизни.

По утверждению Владимира Проппа, обряд посвящения «производился всегда именно в лесу. Это-постоянная, непременная черта его по всему миру. Там, где нет леса, детей уводят хотя бы в кустарник» (Пропп 2000, 151). Данная составляющая не трансформируется в неомифе В. Каверина. Мифологическое странствие его героев представляется путешествием в чужой мир, на периферию, за пределы Ленинграда. Ногин уезжает в Лесное, где «сосны, свежий, как яблоко, снег и ультрамариновое небо», где всё светло и естественно, «настоящая зима и настоящая жизнь» (Каверин 1980, 465). Путь профессора Ложкина лежит в естественный мир природы и свободы, в маленький уездный город между Питером и Москвой, где «снег лежал в низком палисаднике <...> голые клёны качались от ветра» (Каверин 1980, 540) и нет дребезжащих трамваев.

В модернистской трактовке В. Каверина «чужой мир» наделяется внешними чертами «земного рая», но по сути это «преисподняя», где герой проходит обряд психологического испытания. Возможность ложиться спать и вставать, когда хочешь, отсутствие книг и привычной домашней обстановки, встреча с друзьями юности, так называемый «детский крик на лужайке» (Каверин 1980, 543), превращённый в пикник, вызывает у Ложкина ностальгию по давно привычному, и он «со стеснённым сердцем» (Каверин 1980, 546) возвращается в мир, из которого так стремительно и тайно исчез.

Встреча студента Ногина в Лесном с друзьями по псковской гимназии, чтение собственных стихов, сочинённых под Гофмана, и неприятие фантастической фантазмагии друзьями приводит молодого поэта к глубокому разочарованию в собственном таланте. Иллюзорное поэтическое творчество молодого поэта признаётся друзьями чертовщиной, так как в рациональном мире молодых экономистов тень является результатом «столкновения световых лучей с телом, для них непроницаемых» (Каверин 1980, 470), не продаётся и не покупается. Встреча с друзьями лишь усугубляет наметившийся кризис и приводит героя к мыслям о самоубийстве.

Мир естественной природы и созидательного труда разрушает прежние представления иницилируемых о бытие и не выступает конечным пунктом путешествия. Странствие Степана Ложкина продолжается по маршруту: Невский проспект-Васильевский остров-Нева и завершается скучной деревушкой с почерневшими избами; студент Ногин после коммуны оказывается в пивной. Расширяется круг традиционных ассоциативных символов: наводнение символизирует очищение героев: вода шла к Ложкину, «как старый приятель» (Каверин 1980, 554), а спиртное, в котором «топит свою тоску» (Каверин 1980, 471) студент Ногин, превращается автором в разновидность воды. В обеих сюжетных линиях сцены, связанные с очистительной силой воды, предстают кульминацией повествования и выполняют функцию «мнимой смерти» героев.

Этап «мнимой смерти» маркируется физиологическими изменениями внешности иницилируемых. Профессор Ложкин уже давно находится «в состоянии чрезвычайного расслабления телесного и духовного» (Каверин 1980, 552), «непохож на себя» (Каверин 1980, 413), составитель некрологов Леман смотрит на него с грустным превосходством «ещё живущего человека над покойником» (Каверин 1980, 477).

Болезнь усугубляет физическое состояние Ногина: он «бледен...» (Каверин 1980, 468), «его била дрожь¹, <...> окачивало с головы до ног <....>, давило на глаза <...> трудно дышать» и мир воспринимался отстранённо: он «вытащил из-под одеяла большой белый предмет с

¹ Комната «уже не кружилась, она перебрасывалась толчками, она боролась с водой. Бушевала вода, и он плыл по горячей воде, завернутый в дырявое, захлестнутое ветром одеяло» (Каверин 1980, 514).

пятью костлявыми отростками. Отростки медленно шевелились и, казалось, ползли на него» (Каверин 1980, 533), не узнав себя, своей руки, Ногин «заплакал от ужаса, от слабости, от болезни» (Каверин 1980, 533).

Традиционно по окончании ритуала юноша получал «новую душу» (Пропп 2000, 410), а ритуальная смена «царя-жреца» (Пропп 2000, 410) проходила путём его умерщвления или поединка с молодым соперником. В каверинском неомифе этого не происходит, молодой герой не занимает места старого. Мнимая смерть инсценируется самим профессором Ложкиным. Согласно авторской игровой парадигме, сюжетообразующая функция мотива инициации сводится автором к соединению в повествовании двух судеб, как двух параллельных прямых в пространстве. Старичок «с заботливыми глазами» (Каверин 1980, 471) оказывается помощником иницируемых: находит Ногина в кабаке и возвращает к жизни трогательной заботой: «малиновым чаем, до седьмого пота, <...> долго и хлопотливо готовил постель – переворачивал матрац, взбивал подушки» (Каверин 1980, 474). Тот же Халдей Халдеевич извлекает из воды собственного брата Степана Ложкина: «Ты весь мокрый. Идём сейчас же ко мне. Ты простудишься» (Каверин 1980, 556). «Передел, упрекнул за ханжество и помирился с ним после двадцатипятилетней ссоры» (Каверин 1980, 556). Таким образом, функция помощника сходится в образе одного героя, как две параллельные прямые по теории Лобачевского сходятся в одной плоскости пространства.

Обряд посвящения приводит иницируемых к новому взгляду на мир, обогащает знанием, мастерством и наделяет магической силой. Обновлённое сознание героя освобождается от старых идей и взглядов: надоевшие двуличные коллеги, рукописи, жена – кажутся профессору Ложкину теперь милыми, к нему приходит понимание, что если «старость ложится тебе на плечи», нужна «душевная бодрость, чтобы с достоинством перенести её» (Каверин 1980, 581); одновременно приходит осознание, что время «не слушает возражений», и ничего в жизни «не начинается снова, время не возвращается обратно» (Каверин 1980, 582).

Студент Ногин, возрождаясь, отказывается от поэтического творчества и готов заняться прозой «под новым углом зрения» (Каверин

1980, 574). Новая эпоха выдвигает новые требования: «искусство должно строиться на формулах точных наук» (Каверин 1980, 533). Ногин смело вводит в собственное литературное творчество теорию Лобачевского о скрещении параллельных линий, и в первом своём прозаическом тексте заставляет героев повстречаться «на университетской набережной» (Каверин 1980, 576).

В неомифе В. А. Каверина модифицируется обряд инициации, но не происходит смены поколений, что было условием героического мифа. В синкретическом каверинском сознании две обновлённые судьбы, как две эпохи, сближаются в едином временном пространстве. Профессор Ложкин возвращается в свой мир не поверженным, а примирённым; студент Ногин достигает творческого совершенства – и новые перспективы открываются перед обоими героями.

Таким образом, подтверждается важная онтологическая закономерность: что трансформируется, то не подвергается гибели, «инициация сосуществует с жизнью», как «всякая жизнь складывается из непрерывной цепи «испытаний», «смерти», «воскрешений»» (Элиаде 2000, 181) и герой каверинского неомифа в поисках смысла жизни «получает новую душу, становится новым человеком» (Пропп 2000, 191), что и отражает тему живучести «вечных начал» и «коллективной памяти» в картине мира В. Каверина.

Л и т е р а т у р а

Каверин 1980 – Вениамин Каверин. *Собрание сочинений*. Том первый. Москва: Художественная литература.

Мелетинский 2000 – Элеазар Мелетинский. *Поэтика мифа*. Москва: «Восточная литература» РАН.

Пропп 2000 – Владимир Пропп. *Исторические корни волшебной сказки*. Москва: Лабиринт.

Фесенко 2006 – Эмилия Фесенко. *Художественная концепция личности в произведениях В. А. Каверина*. Москва: КомКнига.

Элиаде 2000 – Мирча Элиаде. *Аспекты мифа*. Москва: Академический проект.

Liubovė Lavrenova

INICIACIJOS MOTYVAI ANKSTESNIUOSIUOSE V. KAVERINO ROMANUOSE: ŽAIDYBINĖ PARADIGMA

Santrauka

Pasakiškos mitologijos išventinimo struktūros pėdsakai, aptinkami viduramžių riterių romane, XIX a. psychologiniame romane, tampa menine išraiškos priemone, struktūruojančia modernistinio romano meninę erdvę. Inicijacija, kaip vaidybinis modelis, išskyla ankstesniuosiuose V. Kaverino romanuose kaip kultūros paradigma, susidedanti iš seniausios ugdymo formos ir rengimo suaugusiųjų gyvenimui.

Šis straipsnis yra iniciacijos motyvų tyrimas pirmajame V. Kaverino modernistiniame romane (1902–1986) „Skandalistas, arba Vakarai Vasilijaus saloje“ (1928).

Inicijacijos apeigos ankstyvojoje V. Kaverino kūryboje vykdo siužeto kūrimo funkcijas ir organizuoja įvykių sistemą meniniame romano audinyje.

Inicijacija tradiciniu supratimu – tai herojaus įžengimas į suaugusiųjų gyvenimą. Panašų amžiaus išventinimą pereina ir jaunas studentas Noginas. Pirmojoje iniciacijos proceso fazėje, prieš išėinant iš namų, įvyksta herojaus emocinė krizė. Mitologinės kelionės – tai kelionės į svetimą pasaulį, į periferiją už Leningrado ribų. Noginas išvažiuoja į komuną, į gyvenvietę Lesnoj, kad pažintų kitą gyvenimą. Modernistinėje traktuotėje V. Kaverinas „svetimą pasaulį“ apdovanoja išoriniais „rojaus žemėje“ bruožais, bet iš tikrųjų tai „pragaras“, kur herojus pereina psichologinio išbandymo apeigas.

Natūralios gamtos pasaulis ir kūrybinis darbas sugriauna ankstesnius iniciuojamojo požiūrius į buitį, bet tai nėra paskutinis kelionės taškas, „manoma mirtis“, žymima herojų fiziologijos išoriniais pokyčiais, ir pagal autoriaus žaidybinę paradigmą, siužeto kūrimo funkciją iniciacijos motyvas autoriaus plėtojamas į dviejų likimų sujungimą pasakojime kaip dviejų lygiagrečių erdvėje.

Iniciacijos motyvas šiame pasakojime yra ne gražinimo priemonė į tikrą pirmąją mitologiją, o tradicinio modelio modifikacija.

Profesorius Ložkinas į savo pasaulį grįžta susitaikęs, studentas Noginas pasiekia kūrybinio tobulumo, ir prieš herojus atsiveria naujos perspektyvos.

Įšventinimo apeigos inicijuojamajam atskleidžia naują požiūrį į pasaulį, duoda naujų žinių, meistriškumo ir magiškos galios, o tai įrodo svarbų ontologinį dėsnį: „iniciacija egzistuoja kartu su gyvenimu“ ir „kiekvienas gyvenimas susideda iš nepertraukiamos „išbandymų“, „mirties“ „atgimimo“ grandies (M. Eliade „Mitų aspektai“, 2000, 181). V. Kaverino neomito herojus, ieškodamas gyvenimo prasmės, gauna naują sielą, tampa nauju žmogumi, o tai ir atspindi „amžinų pradžių“ ir „kolektyvinės atminties“ gyvybingumo temą.